

DOI

ΜΕΤΟΝΟΜΑΣΙΑ ΚΑΚ ΣΡΕΔΣΤΒΟ ΔΙΝΑΣΤΙΧΕΣΚΟΪ ΠΟΛΙΤΙΚΗ Κ Β ΕΛΛΙΝΙΣΤΙΧΕΣΚΟ ΜΙΡΕ

Е. М. Берзон¹, О. Л. Габелко²

¹*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

²*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

¹*E-mail: miss.ekber@yandex.ru* ²*E-mail: gabelko@mail.ru*

В статье рассматриваются все известные из источников (и отчасти – реконструируемые на основе косвенных данных) примеры переименований представителей эллинистических царских династий и предпринимаются попытки выявить цели, смысл и значение подобных акций. Практика по принятию тронного имени непосредственно при восшествии на трон широко применялась Ахеменидами, в эллинистическом же мире она получила распространение после переименования при провозглашении царем сводного брата Александра Великого, Арридея, в Филиппа (III) (323 г. до н.э.). Чаще всего переименование осуществлялось непосредственно при воцарении для того, чтобы дать одно из «основных» тронных имен тому или иному члену царского дома, который первоначально не предназначался быть царем, но в силу определенных причин получал право на престол. Наиболее отчетливо это прослеживается в династической истории Каппадокии и Понта – видимо, в соответствии с ахеменидскими паттернами. Иногда переименование применялось при вмешательстве во внутренние дела других государств с целью посадить на престол члена «внешнего» царского дома, сменив его имя на традиционное для династии данной страны. Наконец, некоторые случаи метономасии (особенно в государстве Селевкидов) отражали противоречивые реалии конкретной ситуации и могли быть связаны с самыми разнообразными факторами.

Ключевые слова: эллинистический мир, царские династии, практики имянаречения, смена имени, тронные имена

Данные об авторах. Екатерина Михайловна Берзон – аспирантка кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; Олег Леонидович Габелко – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ.

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ/РГНФ № 16-01-00297 «Неофициальные имена и прозвища политических деятелей древнего мира как культурно-исторический и политический феномен». Авторы выражают благодарность за помощь в работе А.С. Балахванцеву, Л. Бальестеросу Пастору, М.Н. Каранаеву, А.А. Завойкину, Ю.Н. Кузьмину, Э.В. Рунгу, И.Е. Сурикову и в особенности А.Л. Зелинскому; названные коллеги, разумеется, не несут ответственности за представленные здесь выводы. Разделы о Птолемах и Селевкидах написаны Е.М. Берзон, остальная часть работы – О.Л. Габелко.

METONOMASIA AS AN INSTRUMENT OF DYNASTIC POLITICS IN THE HELLENISTIC WORLD

Ekaterina M. Berzon¹, Oleg L. Gabelko²

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

² *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

¹*E-mail: miss.ekber@yandex.ru* ²*E-mail: gabelko@mail.ru*

The article considers all the examples of changes of name in the Hellenistic royal dynasties known from the sources (and partly reconstructed on the basis of indirect data). The authors attempt to explore the goals, meaning and significance of such actions. The practice of accepting the throne name directly upon accession to the throne was widely used by the Achaemenids, and in the Hellenistic world it spread after the change of name of Arrhidaeus, the half-brother of Alexander the Great, to Philip (III) in 323 BC. A change of name was carried out more often directly by the assuming the royal title in order to give one of the “main” throne names to one or another member of the royal house, who was not initially intended to be a king, but for some reason received the right to the throne. This is most clearly seen in the dynastic history of Cappadocia and Pontus – apparently, in accordance with the Achaemenid patterns. Sometimes a change of name was used in the situation of interference in the internal affairs of other states with the aim to put on the throne a member of the “outer” royal house, changing its name to the traditional one for the dynasty of that country. Finally, some cases of metonymy (especially in the Seleucid state) reflected the collisions of a specific situation and could be associated with a wide variety of factors.

Keywords: Hellenistic word, royal dynasties, practices of name-giving, change of name

Общеизвестно, что для эллинистических династий было характерно наличие относительно устойчивого ономастического фонда, состоящего из нескольких наиболее употребительных мужских (а часто и женских) имен, которые передавались из поколения в поколение в определенной последовательности и в соответствии с исторически установившимися закономерностями. Приведем достаточно пространную цитату из новейшего исследования: «Традиционный обычай называть сыновей в честь их дедов практиковался династией Антигонидов, где чередовались имена Антигон и Деметрий; для вторых или третьих сыновей наиболее популярным было имя Филипп. У Селевкидов имена Селевк и Антиох давались двум первым сыновьям, по-видимому, без всякого порядка; с середины же II в.¹ становятся также популярными имена Деметрий и Филипп. Селевкидские принцессы неизменно носили имена Лаодика, Стратоника, Антиохида или Апама. Цари из династии Атталидов поочередно именовались Атталом и Эвменом. В малых эллинистических династиях Востока тоже повторялись (тронные) имена: Никомед и Прусий в Вифинии, Митридат и Фарнак в Понте, Ариарат в Каппадокии, Яннай (Ионафан) в государстве Хасмонеев, Ирод в династии Иродиадов. Это были местные имена, но сама модель имянаречения, как кажется, была скопирована с македонских династий – по сравнению с разнообразием тронных имен у Ахеменидов, Аршакидов и Сасанидов или ассирийских и вавилонских царей»². Голландский

¹ Здесь и далее все даты – до нашей эры.

² Strootman 2014, 99–100.

исследователь, пожалуй, несколько упростил материал, но, так или иначе, не подлежит сомнению: выбор имени для любого представителя царского дома (особенно для потенциального наследника престола) имел принципиально важное значение и аккумулировал в себе целый комплекс этнополитических, правовых, религиозных, пропагандистских мотивов и норм, что не исключало, впрочем, и действия каких-либо иных факторов — вплоть до личных пристрастий и вкусов царственных родителей либо стечения более или менее случайных обстоятельств.

С учетом сказанного особенно интересным и перспективным кажется рассмотрение тех случаев, которые демонстрируют отход от обычной для той или иной династии практики имянаречения. Как раз с такими эпизодами нередко бывала связана и смена имени у кого-либо из членов эллинистических царских фамилий; с другой стороны, такая мера часто могла быть направлена и на поддержку оформившейся ономастической традиции, когда такая задача обретала насущную актуальность.

Следует сразу же отметить, что само слово *μετονομασία*, вынесенное в заголовок настоящей работы, не встречается в источниках как устойчивый термин. Тем не менее знаменитому Каллимаху приписывается произведение «Об основаниях и переименованиях островов и городов» (*Suda s.v. Καλλιμαχος*)³; следует упомянуть также малоизвестного автора Архемаха (1-й пол. III в.?), перу которого принадлежал труд *Μετονομια* или *Μετονομασια*⁴ — т.е., судя по всему, в какой-то степени древних подобные сюжеты интересовали. Различные формы глагола *μετονομάζω* весьма часто употребляются античными авторами в трактовке событий, связанных со сменой имени эллинистических правителей (наряду и с другими выражениями, примеры чего будут приведены далее), но состояние источников все же не позволяет предположить, что такая мера представляла собой более или менее четко оформленную правовую акцию, имевшую (сколько-нибудь) стандартный характер; скорее она применялась исключительно ситуативно. Соответственно, в абсолютном большинстве случаев почти ничего не удастся сказать и о самой процедуре переименования (как, собственно, и об официальном наречении того или иного представителя династии), о каких бы то ни было ее формальных сторонах — подобных, скажем, «выходу царя» или представлению его войску⁵.

Основная (но, как показывают конкретные материалы, далеко не единственная) функция переименования состояла в том, чтобы дать одно из «главных» династических имен тому представителю царского дома, который первоначально не предназначался быть преемником правящего монарха, но впоследствии в силу смерти наследника, каких-либо внутридинастических пертурбаций либо внешнего вмешательства приобретал приоритетное право на престол. Это было отнюдь не новое явление. Подобная практика принятия «тронного» имени, официально заменяющего первоначальное, хорошо известна и надежно засвидетельствована уже в доэллинистическое время, причем не где-нибудь, а в державе Ахеменидов (Артаксеркс I Кир, Дарий II Ох, Артаксеркс II Арсак/Арсик/Арсес, Артаксеркс III Ох, Дарий III Кодоман, Артаксеркс IV Бесс).

³ См. специально о переименованиях городов (именно с широким использованием термина *metonomasy*): Fraser 2009a, 167–178; 2009b, 148–165.

⁴ О нем см. Sprawski 2008, 102–118.

⁵ Chaniotis 2005, 172–178; Strootman 2014, 233–246.

В таких случаях данное при рождении имя фактически отходило на второй план и, вероятно, превращалось в неофициальное прозвище — или, по крайней мере, так должно было быть⁶. Однако, разумеется, нет никакой уверенности в том, что все эллинистические царские дома в данном отношении следовали персидской традиции (и надлежащая дифференциация в дальнейшем будет предложена).

Представляется, что рассмотрение эпизодов из династической истории самых различных эллинистических государств, относящихся к тому же к разному времени, может позволить выявить некоторые общие, если не базовые закономерности в функционировании эллинистической βασιλεία, тем более что комплексный подход в исследованиях такого рода, насколько известно, не применялся: как правило, предметом анализа становилась иногда «ономастическая политика» лишь отдельных династий⁷ и ее соответствующие моменты, важные для темы данной работы.

В этой связи следует особо подчеркнуть существование подобных случаев и в истории македонской царской власти еще времени Аргеадов и раннего эллинизма. Характерно, что связаны они в основном с женщинами⁸. В частности, существует традиция, согласно которой мать Александра Великого первоначально звали Поликсеной, а впоследствии она принимала и другие имена — Миртала, общеизвестное — Олимпиада, а также Стратоника (Plut. *De Pyth. orac.* 401 A–B Stephanus; ср. Iust. IX. 7. 13)⁹. Имеется сходная информация и о других женских персонажах македонской истории IV в.¹⁰, включая последнюю жену Филиппа II¹¹. Относительно смысла и назначения таких акций переименования можно целиком согласиться с В. Хекелем, исчерпывающе подробно их рассмотревшим: они происходили в связи

---

⁶ См. Schmitt 1977, 422–425; 1982, 83–95; характерно, что во второй статье Шмит, опираясь на словоупотребление греческих авторов, также применяет термин μετονομασία (р. 92). Как показывают материалы этих работ, в вавилонских клинописных текстах была распространена формула «X, прозванный царем Y», где X — изначальное, а Y — тронное имя монарха (Schmitt 1982, 87–90). Специально о Дарии III см. также: Badian 2000, 241–267.

⁷ См., например, показательное название статьи: «Антиох III и ономастическая политика Селевкидов» (Muccioli 2010); ср. Zavoikin 2006; Surikov 2007; Ballesteros Pastor 2015.

⁸ Сообщение Феопомпа (*FGrHist* 115 F 29), которое можно понять так, будто бы македонского царя Архелая называли также Аргеем и Павсанием (Ellis 1973, 351, п. 2), искажено в передаче позднего автора, Гарпократиона, и, как показывает Дж. Эллис, имеет совсем другой смысл, относясь к сводным братьям Филиппа II.

⁹ Heckel 1981; Carney 2006, 15–16, 93–94, 146, 180. Плутарх, впрочем, говорит здесь о прозвищах (παρωνυμία), что, судя по всему, не вполне точно; обзор мнений см. Carney 2006, 146, п. 78. О неофициальном прозвище царицы в том же эпирско-македонском контексте в полном смысле этого слова можно было бы говорить, к примеру, в случае подтверждения изящной гипотезы У. Тарна о том, что мать Филиппа V эпирская царевна Фтия была прозвана Хрисеидой (например, за золотистый цвет волос), вследствие чего новое имя в некоторых источниках стало употребляться взамен основного. Это позволило бы снять целый ряд проблем династической истории Македонии, Эпира и царства Селевкидов во 2-й пол. III в. (Tarn 1940, 483–501). О сути и альтернативном варианте решения этих проблем см. Gabelko, Kuzmin 2008; Kuzmin, Gabelko 2012.

¹⁰ Heckel 1981, 82.

¹¹ О ней см. Heckel 1978, 155–158. Здесь отмечено, что Эвридика — престижное династическое имя, которое могло быть дано Клеопатре после брака с Филиппом, тем более что так звали мать царя (Strabo. VII. 7. 8).

с обручением, замужеством, какими-либо важными событиями в жизни и достижениями в политической карьере этих женщин¹².

Разумеется, особо значимым было переименование Арридея, сына Филиппа II и фессалийки Филинны, при провозглашении его царем после смерти Александра Великого в 323 г.¹³ Источники особо оговаривают сам факт обретения им наряду с царской властью (разумеется, сугубо номинальной) также и нового имени, и на этом моменте следует остановиться особо. Основывающийся на весьма достоверном рассказе Гиеронима текст Диодора сообщает, что первоначально за избрание Арридея стояли представители рядового македонского воинства — фалангиты, которых вскоре возглавил Мелеагр (Diod. XVIII. 2. 2), и это вполне согласуется с мнением других авторов, которые говорят о ведущей роли в этих событиях, и в частности в переименовании Арридея, «македонян»: «Македоняне же из-за любви к роду Филиппа избрали своим царем Арридея, брата Александра, хотя тот и считался пребывающим не в здравом уме, переименовав его в Филиппа вместо Арридея»¹⁴. Видимо, отсюда допустимо сделать вывод о деталях самой процедуры: в частности, что инициатива в переименовании исходила именно от войска¹⁵, как об этом прямо сообщают Курций Руф¹⁶ и Помпей Трог/Юстин¹⁷. В их словах, однако, не следует видеть указаний на пресловутую официально оформленную политико-правовую роль македонского войскового собрания¹⁸: скорее все объяснялось конкретными особенностями кризисной ситуации и фактическими возможностями армии, представлявшей собой на тот момент реальную политическую величину, влиять на ход дел. В дальнейшем практически никаких свидетельств о юридической и «процессуальной» стороне метономасии источники, к сожалению, не предоставляют.

Так или иначе, цель данного предприятия очевидна: сохранив власть за представителями традиционно правившего в Македонии клана (по терминологии

---

¹² Heckel 1981, 82. Ср. также замечание Э. Карни: «Перемена имени и выбор политически значимого имени маркировали относительно [четко выраженный] публичный статус женщин царского ранга. Эти важные имена иногда могли функционировать как квазититулы в ту эпоху, когда реальные титулы еще не использовались» (Carney 2006, 15–16). Исследовательница отмечает также, что смена имени обычно связывалась с изменением идентичности (Carney 2006, 93). Вероятно, это замечание с некоторыми корректировками применимо отнюдь не только к македонским аристократам IV в.

¹³ См. содержательную статью о Филиппе Арридее: Carney 2001 (впрочем, без специального внимания к разбираемым здесь проблемам).

¹⁴ App. *Syr.* 52.261: οἱ μὲν Μακεδόνες πόθῳ τοῦ Φιλίππειου γένους εἴλοντο σφῶν βασιλεύειν Ἀρριδαῖον, τὸν ἀδελφὸν Ἀλεξάνδρου, καίπερ οὐκ ἔμφορα νομιζόμενον εἶναι, μετονομάσαντες δὴ Φίλιππον ἀντὶ Ἀρριδαίου; ср. Porphyr. *Chron.* F 4 = Euseb. *Chron.* I. 230 Schoene.

¹⁵ Тот же Диодор говорит об особых усилиях разрядить ситуацию, которые предприняли «достойнейшие из мужей» (οἱ χαριέστατοι τῶν ἀνδρῶν), и именно они, по его словам, «возвели на царство Филиппова сына Арридея и переименовали его Филиппом» (βασιλέα κατέστησαν τὸν Φίλιππου υἱὸν Ἀρριδαῖον καὶ μετωνόμασαν Φίλιππον: Diod. XVIII. 2. 4), но едва ли эта фраза совершенно отменяет указания других источников.

¹⁶ Curt. X. 7. 7: milites Philippum consalutatam regem appellant. — «Воины приветствовали его (Арридея. — *Авт.*), называя царем Филиппом».

¹⁷ Iust. XIII. 3. 1: pedites... Arridaeum, Alexandri fratrem, regem appellant... et nomine Philippi patris vocari iubent — «Пехотинцы... провозглашают царем Арридея, брата Александра... и приказывают ему именоваться по отцу Филиппом» (пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского).

¹⁸ Критический обзор концепций такого рода см. Kuzmin 2009.

Карни), повысить статус вновь избранного царя (не обладавшего к тому же, как известно, необходимыми для царствования личными качествами) путем присвоения ему «царского» имени, которое носил и его отец, взамен прежнего — вполне аристократического, но у Аргеадов встречавшегося только у деда Филиппа II (Diod. XV. 60. 3), царем не бывшего. Видимо, именно эта акция создала прецедент и правовую основу для последующих действий представителей эллинистических царских домов (особенно — но не только!) македонского происхождения, принимавших в определенных обстоятельствах новые имена.

Постараемся перечислить и проанализировать по возможности все достоверно известные (или реконструируемые на основе косвенных данных) эпизоды такого рода в истории эллинистических монархий. Следует подчеркнуть, что далеко не в каждом случае мы можем с уверенностью говорить о метономасии в строгом смысле слова: степень гипотетичности в трактовке соответствующих событий династической истории тех или иных государств ввиду скудости данных источников а priori остается очень высокой, но в любом случае рассмотрение подобных случаев может выявить немало интересных деталей.

Начнем с двух показательных примеров именно такого рода, наглядно демонстрирующих всю сложность проблемы и к тому же весьма ранних в масштабах всего эллинистического мира. Первый из них связан с рядом спорных моментов политической истории Боспора, касающихся личного имени Селевк: согласно Диодору (XII. 36. 1), так звали человека, сменившего на престоле основателя династии Спартока, и это же имя с достаточными основаниями может быть восстановлено и в начале надписи *КБН Add. 4* (конец IV — начало III в.: [Σέλε]υ³κος Ἐυμήλο[υ...]). Данное македонское имя, совершенно неожиданно появившееся на Боспоре, не являлось у Спартокидов династическим и более в этом правящем доме не фиксируется¹⁹. Пытаясь «зарезервировать» место в династической истории Боспора раннеэллинистического времени для фигуранта указанной надписи, А. А. Завойкин выдвинул «довольно дерзкое», по его собственным словам, предположение о возможном переименовании Селевка, рожденного как частное лицо, в Спартока (III) — носителя одного из основных династических имен²⁰. Это могло произойти одновременно с принятием указанным правителем царского титула в рамках «общеэллинистической парадигмы», которое предлагается относить к 297/6 г.²¹ Разумеется, для обоснования такой гипотезы приходится идти на немалое количество допущений²² (что, впрочем, неизбежно при скудости источниковой базы), однако данный пример в случае признания его аутентичным может стать показательным в смысле быстрого распространения политико-правовых норм и институтов еще только формировавшейся эллинистической монархии (имея в виду переименование Арридея-Филиппа) даже на периферийные районы ойкумены (если, конечно, не видеть в нем личное «ноу-хау» Селевка/Спартока III).

Чрезвычайно любопытный эпизод связан и с историей Вифинского царства. Имя второго вифинского царя, Никомед, явным образом диссонирует с туземными

¹⁹ См. Zavoikin 2006, 219–242, с детальным анализом источников и доскональным разбором предшествующих точек зрения.

²⁰ Zavoikin 2006, 232.

²¹ Gabelko, Zavoikin 2004.

²² Что и вызвало критику этой идеи (Surikov 2007, 386–390) — здесь, в сущности, не место разбирать, насколько справедливую.

именами как первых представителей династии (Дидалс, Ботир, Бас, Зипойт — Memn. *FGrHist* 434 F 12. 2–5), так и его преемников (Зиел, Прусий). Попытку объяснения этого факта предложила Л. Ханнестад: она допускает, что данный правитель сменил на то имя, под которым он нам известен (достаточно редкое, аристократическое и, можно сказать, изысканное), некое прежнее, — видимо, сугубо вифинское, которое было дано ему при рождении²³. Стоит подчеркнуть: одного из младших братьев Никомеда звали, как и их отца, Зипойт (Memn. *FGrHist* 434 F 9. 5; Liv. XXXVIII. 2. 19), а второй мог носить фракийское имя Мукапорис (Dion. Byz. 96)²⁴, известное в царской династии одрисов (*IG* II/III² 3443), крупнейшего из фракийских племен, родство с которым прокламировалось в «официальной» генеалогии вифинов (Agr. *Bithyn.* F 36 Roos). Кажется вполне вероятным, будто старший сын и наследник Зипойта I мог принять греческое имя непосредственно при воцарении, когда ему было жизненно важно заручиться поддержкой близлежащих эллинских городов Византия, Калхедона и Гераклеи Понтийской для борьбы с восставшим братом Зипойтом-младшим и Антиохом I, тем более что и само значение имени, «помышляющий о победе», как нельзя лучше соответствовало актуальной политической ситуации²⁵. Однако весьма обоснованной представляется исключаящая названное предположение гипотеза Д. Глью, считающего, что греческое имя старшему сыну Зипойт I дал в ознаменование своих ксенических связей со знатным уроженцем Коса Никомедом, сыном Аристандра, состоявшим на службе у Антигона Одноглазого²⁶, что находит косвенное подтверждение и в тесных связях между Косом и Вифинией в III в. и далее²⁷.

Обратимся теперь к тем примерам, где причины и ход событий более ясны. Так, почти в чистом виде династическая метономасия представлена в истории Пергама, как об этом свидетельствует нумизматика. Легенда монет, чеканенных в г. Синнаде (BA ΣΥ ΑΡ), долгое время связывалась с претендентом на пергамский престол и руководителем антиримского восстания Аристоником²⁸, хотя сейчас данное мнение оспаривается²⁹. Тем не менее этот широко известный персонаж, очевидно, являвшийся побочным сыном Эвмена II (Liv. *Per.* 59; Iust. XXXVI. 4. 1; Flor. I. 35. 4; Eutrop. IV. 20. 1; Oros. V. 10. 1), действительно принял царский титул, а кистофоры из Фиатиры, Аполлониады и Стратоникеи (с легендой BA ΕΥ, датированные соответственно 2-м, 3-м и 4-м, 4-м годами его «правления») подтверждают факт его переименования в «царя Эвмена» (III)³⁰, и это, разумеется, должно было придать некую законность его притязаниям³¹.

²³ Hannestad 1996, 74.

²⁴ Gabelko 2005b, 422–423.

²⁵ Gabelko 2005b, 421, прим. 22.

²⁶ Glew 2005, 131–137.

²⁷ Gabelko 2005b; 214–217; Balakhvantsev, 2011, 74–92.

²⁸ Robinson 1954, 1–8; Hopp, 1977, 122–123; Klimov 2010, 135.

²⁹ Подробнее см. Daubner 2006, 53–55.

³⁰ Daubner 2006, 54–58; Carbone 2016, 39–42.

³¹ Аристоник—Эвмен III, несмотря на свой статус узурпатора, судя по всему, ретроспективно был включен в список пергамских монархов, как свидетельствует «Хронография» Георгия Синкелла (368. 16–17 Mosshammer). В ней упомянуты семь царей Пергама (точнее, de facto независимых правителей, так как первые двое еще не носили царского титула), и последним должен быть именно Аристоник—Эвмен III. Также верно (хотя и с непонятным смещением на 95 лет вперед) указана суммарная продолжительность их правления: 154 года (от фактического утверждения власти Филетера в Пергаме в 283 г. и до подавления восстания Аристоники и образования провинции Азии в 129 г.); см. Daubner 2006, 188; Gabelko 2005a, 99–104.

Но, пожалуй, самый показательный случай метономасии, к тому же (что бывает нечасто!) относительно хорошо освещенный источниками, дает династическая история эллинистической Каппадокии. Известно, что у царя Ариарата IV Евсевия (220–163 гг.) от селевкидской царевны Антиокиды было трое сыновей: Ариарат, Ороферн и Митридат, причем первые двое якобы являлись «подложными» — коварная мать выдавала их за родных детей царя (Diod. XXXI. 19. 7). Старшего из них, Ариарата, послали в Рим (loc. cit.; Liv. XLII. 19. 3–6), и там он либо умер, либо отказался от права на престол, будучи фактически лишен возможности его реализовать. Ороферн, в свою очередь, был отправлен в Ионию, дабы не смог оспаривать власть у младшего из братьев (Diod. XXXI. 19. 7), пользовавшегося недвусмысленной поддержкой отца (XXXI. 19. 8). Митридат же «по возмужании» переименовал свое имя на Ариарат — как дает понять Диодор, еще при жизни отца, и, судя по употребленной грамматической форме глагола³², по его инициативе (τοῦτον δὲ ἀνδρωθέντα καὶ Ἀριάρατον φασὶ μετονομασθῆναι — Diod. XXXI. 19. 7). В данном случае не столь уж важно, точен ли сицилийский историк в изложении деталей, так как принятие основного тронного имени династии в любом случае было связано с *воцарением* молодого Ариарата (V, Филопатора) — предстоящим³³ либо свершившимся — и хорошо сочеталось с мерами, предпринятыми молодым монархом для укрепления своего положения как внутри страны (Polyb. XXXI. 17. 1; Diod. XXXI. 21. 1), так и на международной арене (Polyb. XXXI. 14. 1–5). Любопытно, что вскоре свергнувший младшего брата и на короткое время узурпировавший трон Ороферн к подобной мере прибегать не стал: вероятно, так как его имя однажды уже встречалось в списке каппадокийских правителей (Diod. XXXI. 19. 2–4)³⁴, а может быть, осознанно бросая вызов только складывающемуся благодаря стараниям его отца и брата новому порядку престолонаследия³⁵.

В свете сказанного могут получить новую и достаточно неожиданную интерпретацию и некоторые последующие события из истории Ариаратидов. В частности, кажется весьма вероятным, что Ариарата VI, единственного оставшегося в живых из сыновей Ариарата V (его пятеро братьев, если верить Помпею Трогу/Юстину, были отравлены матерью-царицей — XXXVII. 1. 4–5) первоначально могли звать иначе, а тронное имя он принял при вступлении на престол (в соправительстве с матерью)³⁶: действительно, весьма подозрительным выглядело бы стечение об-

---

³² О значимости употребления активного, пассивного и медиального залогов глаголов, используемых при описании процедуры воцарения в эллинистическом мире см. Gabelko 2018.

³³ В династии Ариаратидов надежно зафиксирована практика передачи власти еще живым (пожилым?) монархом своему наследнику без того, чтобы прибегать к распространенной в эллинистическом мире практике соправительства; см. Gabelko 2009b, 113–115.

³⁴ Хотя и до принятия царского титула Ариаратом III и утверждения этого имени в качестве династического.

³⁵ Подробнее об этих событиях см. Breglia Pulci Doria 1978; Günther 1995; Gabelko 2009b, 106–110.

³⁶ Это соправительство подтверждается уникальной драхмой, выпущенной от лица царицы Нисы и ее сына, царя Ариарата Эпифана (Simonetta 1977, 29, Pl. III, 11; Mørkholm 1978, 144, 146, Pl. 40, 1; Simonetta 2009, 60–61, 132, Pl. X, 1). Некоторые исследователи полагают, опираясь на сообщение о том, что несколько сыновей Лаодики (=Нисы) уже были подростками (Iust. XXXVII. 1. 4), будто уцелевший царевич был самым младшим сыном Ариарата V (Simonetta 1977, 30; Saprykin 1996, 100). Это не лишено вероятности, хотя источник прямых указаний на данный факт не содержит. В таком случае кажется

стоятельство, благодаря которому выжившим оказался как раз носитель основного династического имени. Точно такая же логика заставляет считать, что водворенный на короткое время на каппадокийский престол брат убитого Митридатом Евпатором Ариарата VII Филометора, оказавшийся последним представителем династии Ариарат VIII³⁷ с рождения скорее всего также носил другое имя. В этих событиях нас не должно смущать то, что источник не содержит никаких намеков на переименование: вероятно, Помпей Трог (равно как и подавляющее большинство античных — да и современных! — авторов) просто не задумывался о причинах появления такого количества Ариаратов на каппадокийском престоле. Характерно, что это имя «всплыло» спустя десятилетия и в династии Ариобарзанидов: последним ее представителем стал Ариарат X (42–36 гг.), младший брат Ариобарзана III³⁸.

В сходном же иранско-ахеменидском ключе следует трактовать и некоторые эпизоды из династической истории Понтийского царства. Кажется вполне вероятным, что младший брат Митридата VI Евпатора, известный как Митридат Хрест, изначально звался как-то иначе и переименовал свое имя только после того, как стал соправителем матери вслед за изгнанием (вынужденно-добровольным) старшего брата³⁹. Двух Митридатов Понтийское царство, очевидно, вынести не могло, и Евпатор вскоре по возвращении из своих скитаний устранил Хреста (Memn. *FGrHist* 434. F 22. 2; Sall. *Hist.* II. 76 Maurenbrecher; App. *Mithr.* 57.549)⁴⁰. Впрочем, при оценке этих событий (а также и вышеупомянутых эпизодов каппадокийской истории) следует принимать во внимание принятую у Птолемея (хотя и далеко не сразу утвердившуюся, о чем подробнее см. далее) и нередкую у Селевкидов практику одновременного наличия в династии нескольких сиблингов, носивших одно и то же имя (хотя чаще всего такое явление имело место в связи с детьми царей от разных матерей). Существовало ли нечто подобное в Понте? У Ахеменидов, к которым возводили свою генеалогию Митридатиды (и которым они во многом стремились следовать), такое явление вроде бы не наблюдается. Равным образом ни история понтийской монархии в конце IV — II вв., ни информативный и потому особенно важный в данном случае список сыновей Митридата Евпатора, захваченных в Фанагории (Артаферн, Дарий, Ксеркс, Оксатр — App. *Mithr.* 117.512), вкупе с упоминанием других его отпрысков мужского пола⁴¹ таких

тем более непонятным, отчего главное династическое имя досталось младшему царскому отпрыску. Отметим, что Митридат Евпатор называл Митридатом, как убедительно доказывает Л. Бальестерос Пастор, именно своего первородного сына (Ballesteros Pastor 2005, 120–131; 2015, 428).

³⁷ Iust. XXXVIII. 2. 1: «Каппадокийцы... вызывали брата своего убитого царя, тоже Ариарата (sic! — *Авт.*), из Азии, где он воспитывался». Возможно, именно ему следует приписывать выпуск некоторых монет, чеканенных от имени Ариарата Евсевия Филопатора (de Callataÿ 1997, 195–200).

³⁸ См. Sullivan 1980, 1147–1149.

³⁹ Подчеркнем, что имя Митридат было основным, но не единственным династическим именем понтийской династии: в ней также действовали имена Ариобарзан и Фарнак, причем Митридат IV был младшим братом Фарнака I.

⁴⁰ Об этих событиях см. Ballesteros Pastor 1996, 39–43; Saprykin 1996, 122–126. О Митридат-Хресте см. Portanova 1988, 342–343 (с некоторыми сомнениями в том, что Хрест действительно был убит Евпатором), 500–501.

⁴¹ Митридат, Ариарат, Аркафий, Фарнак, Махар, Ксифар (=Эксиподр [?]). Представительную подборку и глубокий анализ данных см. Ballesteros Pastor 2015, 425–445. Выявленный испанским ученым принцип именаречения сыновей Митридата действительно не оставляет возможности для существования двух царских отпрысков-тезок. Отметим,

примеров не дают; соответственно, предположение о метономасии Митридата Хреста приобретает дополнительный вес.

Вместе с тем не забудем о наличии у Митридата VI двух сестер по имени Лаодика. Первую из них еще отец, Митридат V Эвергет, выдал замуж за каппадокийского царя Ариарата VI, а затем она стала супругой вифинского царя Никомеда III Эвергета (Iust. XXXVIII. 1. 1–44; ср. *OGIS*345, сткк. 7–8); на второй же вскоре после воцарения женился сам Евпатор; впоследствии он, судя по всему, убил ее за супружескую и политическую измену и участие в заговоре (Iust. XXXVII. 3. 6–8; 38. 1. 1)⁴². Известно также, что у Митридата Евпатора было две дочери с одинаковым именем Клеопатра: одна была выдана замуж за царя Армении Тиграна II ок. 95 г. (Iust. XXXVIII. 3. 2), а другая фигурирует в ходе событий, связанных с фанагорийским восстанием 63 г. (App. *Mithr.* 117.513). Допущение, согласно которому речь идет об одном и том же персонаже⁴³, едва ли может быть принято⁴⁴. С учетом «особого отношения» Митридата Евпатора к своим сестрам⁴⁵, можно, как кажется, прийти к выводу о существовании в Понте своеобразной практики имянаречения⁴⁶: при наличии в монаршей семье большого количества детей, существенно различающихся

однако, что предположение исследователя, будто бы имена Аркафий (р. 431–432) и Махар (р. 435, с большей долей сомнения) могли быть неофициальными прозвищами, закрепившимися в традиции, не выглядит убедительным. В иранских царских домах Каппадокии, Парфии, Коммагены, государств Закавказья – и, надо думать, Понта тоже (в отличие от Ахеменидов!) примеры появления неофициальных прозвищ у представителя царского рода вообще не зафиксированы. Объяснить это обстоятельство пока что не представляется возможным.

⁴² Как ни странно, в обстоятельном просопографическом исследовании Дж. Портановы подробно сказано только о второй из этих женщин (Portanova 1988, 308–310; 484–485). Вместе с тем там ее рождение гипотетически отнесено ко времени не позднее 125/124 г. (р. 484, п. 533), а первая названа старшей сестрой Митридата Евпатора (р. 584, п. 545) (род. ок. 132 г.), так что и в данном случае Лаодика (1) была намного старше.

⁴³ Подробнее об этом см. Portanova 1988, 479, п. 490; относительно недавно это допущение возникло вновь, см. Kuznetsov 2007, 242.

⁴⁴ См. Gabelko 2013, 174, п. 4. Храбро сражавшаяся в Фанагории Клеопатра-младшая, судя по всему, была еще довольно молода: видимо, она была гораздо моложе своей одноименной сестры. В этом случае следует подчеркнуть, что тезки-сестры имели разных матерей: Клеопатра-старшая, судя по всему, была рождена Лаодикой, сестрой-женой Евпатора (Protanova 1988, 296), которая была убита ок. 108/107 г.

⁴⁵ Плутарх не без злой иронии сообщает, что сестры Митридата Роксана и Статира за сиделись в девицах до сорока лет (Plut. *Luc.* 18). О роли сестер Евпатора в проводимой им брачно-династической политике см. Ballesteros Pastor 2013a; ср. Gulenkov 2001, 78.

⁴⁶ В III в. такой порядок, видимо, еще не сложился: так, Митридат II имел двух дочери по имени Лаодика. Первая вышла замуж за Антиоха III: брак был заключен летом 222 г. (Polyb. V. 43. 1–4). Вторая Лаодика стала супругой Ахея-младшего (Polyb. VIII. 22. 11), когда именно – неизвестно, но, скорее всего, еще до того как Ахей провозгласил себя царем: в противном случае это обострило бы отношения Понта с Селевкдами. Впрочем, Б. Хрубасик полагает, что брак мог быть заключен как раз после мятежа Ахея (Chrubasik 2016, 111; ср. Saprykin 2012, 130). В любом случае эти две Лаодики были, вероятно, примерно одинакового возраста. Это, как кажется, единственный из известных нам примеров одновременного пребывания при понтийском дворе двух одноименных царских дочерей – может, и они были *единокровными* сестрами? Впрочем, работы Л. Бальестероса Пастора наглядно демонстрируют принципиальные различия в имянаречении сыновей и дочерей Митридата (Ballesteros Pastor 2013a; 2015); не исключено, что нечто подобное было присуще и политике его предшественников. Омимии царевичей, подчеркнем еще

по возрасту (а тем более происходящих от разных матерей), новорожденная царская дочь могла получить имя одной из старших сестер, если та к моменту ее рождения уже была выдана замуж за кого-то из иноземных правителей и покинула родной царский дворец. О каких-либо переименованиях дочерей понтийских властителей, таким образом, речь здесь не идет.

Такой случай, однако, мог иметь место в действиях Митридата Евпатора, когда он по завершении второй войны с Римом выдал замуж за Ариобарзана (будущего II, на тот момент наследника престола) свою четырехлетнюю дочь, которую античные авторы называют Афинаидой (App. *Mithr.* 280; Cic. *Fam.* XV. 4. 6; ср. *Att.* V. 20. 6; Plut. *Cic.* 36. 1). Это имя могло быть дано царевне для того, чтобы связать ее с наиболее популярной в Каппадокии богиней Ма, отождествлявшейся с Афиной⁴⁷. Тем самым Евпатор намеревался усилить свое влияние в соседней стране⁴⁸, в данном случае посредством довольно изощренных пропагандистско-идеологических средств.

Метонаомасия могла быть связана, однако, и с прямым вмешательством во внутренние дела других государств, яркие примеры чего опять-таки дает история эллинистической Малой Азии. Видимо, здесь сыграло свою роль (по крайней мере, отчасти) некоторое сходство государственных институтов малоазийских царств, предопределенное общими политико-географическими условиями или даже генетическим родством⁴⁹. Так, Никомед III Эвергет и Митридат VI Евпатор совместно вторглись в Пафлагонию и разделили ее между собой (ок. 107 г.) (Iust. XXXVII. 4. 3), после чего Никомед, чтобы удержать контроль над доставшейся ему частью этой страны, дал одному из своих сыновей пафлагонское династическое имя Пилемен, известное еще с гомеровских времен (*Il.* II. 851; 865; V. 576; XIII. 643) и зафиксированное у реального пафлагонского правителя несколькими десятилетиями ранее, во время восстания Аристоника (Eutrop. IV. 6; Oros. V. 10. 2). Примечательно, что хотя Юстин характеризует эту меру как «издевательство» (над римскими послами, требовавшими восстановления справедливости — Iust. XXXVII. 4. 7–9), вифинский «Пилемен» сумел удержаться на пафлагонском престоле и передать власть своим потомкам, которые сохраняли видимость независимости даже после аннексии римлянами Вифинского царства⁵⁰. Митридат VI (восприняв опыт бывшего союзника?)

раз, в понтийской династии не зафиксировано — если, разумеется, не считать Митридата Евпатора и Митридата Хреста, что заставляет отнести к этому случаю с подозрением (см. выше).

⁴⁷ Примеры по данным эпиграфики см. Robert 1963, 494.

⁴⁸ Rogtanova 1988, 208–209. Портанова отмечает также (р. 432, п. 162), что это имя зафиксировано и в каппадокийской царской династии, не приводя, однако, ссылок на источники. Уточним: таких фактов в чистом виде не зафиксировано, но отчасти близкий пример дает Страбон: женой Пиксодара, брата Мавсола Гекатомнида, стала некая (очевидно, знатная) каппадокийка Афнеида (Ἀφνηίδος — gen.; Strab. XIV. 2. 17).

⁴⁹ В историографии отмечалось, что именно в малоазийско-черноморском регионе была развита практика завещания царства монархом, не имеющим законного наследника, какому-либо внешнему политическому субъекту; см. Vraund 1984, 145–146. Другие примеры: использование царской эры с началом в 297 г. в Вифинии, Понте и на Боспоре (Gabelko, Zavoikin 2004; Gabelko 2014); зафиксированное в «Хронографии» Георгия Синкелла применение «отсчета лет царского статуса» в Каппадокии, Понте и Вифинии (Gabelko 2005a; 2009a). См. также интересные, но весьма спорные попытки интерпретировать непонятный пассаж Iust. XXXVIII. 6. 2, где говорится о будто бы имевшем место завещании власти Эвменом II Пергамским Фарнаку I Понтийскому: Ballesteros Pastor 2001–2002; 2013b, 248–255.

⁵⁰ См. Gabelko 2005b, 349–356.

отметился и еще одним показательным случаем метономасии: ок. 100 г., установив господство над Каппадокией после собственноручного убийства ее тогдашнего царя, собственного племянника Ариарата VII Филометора, он посадил на каппадокийский престол одного из своих сыновей (видимо, от сестры-жены Лаодики), на тот момент восьмилетнего мальчика, которому было дано каппадокийское же династическое имя Ариарат (IX) (Iust. XXXVIII. 1. 9–10). Как того звали изначально, нам доподлинно неизвестно (не исключено, что он идентичен Аркафию⁵¹), но в историю он вошел именно под этим именем⁵². Впрочем, дальнейшие попытки утвердить свое влияние в Каппадокии за счет переименованных самозванцев оказались неудачными как для Евпатора, так и для Никомеда III в результате жесткого противодействия римлян (Iust. XXXVIII. 2. 6–7).

Все эти эпизоды наглядно передают одну из специфических коллизий, органически присущих эллинистической βασιλεία: необходимость обеспечить легитимность воцарившегося правителя, чьи права на трон зачастую оказывались весьма сомнительными, в условиях напряженной внутри- (а порой и внешне-) политической борьбы в том числе за счет наделения его одним из наиболее актуальных и престижных династических имен. Подобные меры, как свидетельствуют факты, нередко оказывались относительно эффективными; к их числу стоит отнести и женитьбу претендента на кровной родственнице – такие случаи тоже были весьма распространены.

Следующие группы примеров не столь определены и нередко представляют собой результат воздействия самых разнообразных факторов. Отдельно стоит отметить случаи, когда представитель того или иного эллинистического правящего дома принимал (совершенно неясно, в какой именно момент, но отнюдь не обязательно при воцарении) второе имя, не отказываясь от первого. Это широко представлено в истории эллинистической Иудеи, где у правителей зачастую встречается бинарное наименование – по-еврейски и по-гречески: Иоанн Гиркан, Александр Яннай, Александра Саломея⁵³, Маттафия Антигон – у Хасмонеев; Ирод Архелай, Ирод Филипп, Ирод Антипа – у Иродианов. Данный материал должен, видимо, рассцениваться в контексте конкретных путей и механизмов эллинизации иудейской политической элиты и заслуживает отдельного рассмотрения⁵⁴.

Совершенно особый характер приобрела ситуация с династическими именами у Лагидов. К исходу III в. здесь происходит сужение династического ономастикона и устанавливается практически безраздельное преобладание одного мужского имени – Птолемей⁵⁵. Также формируется основной набор женских личных имен

⁵¹ Reinach 1895, 293.

⁵² См. Portanova 1988, 187–191, 423–427. Евпатор даже пытался специально доказать в римском сенате через своего «агента» Гордия, будто мальчик, посаженный им на каппадокийский престол, рожден тем Ариаратом, что погиб, помогая римлянам в войне против Аристоники (Iust. XXXVIII. 2. 6) – в пору действительно вспомнить о «смене идентичности!» (см. выше, прим. 12). Впрочем, Юстин, видимо, ошибается с обозначением личности фиктивного отца Ариарата IX; см. Gabelko 2005b, 366, прим. 237.

⁵³ Об Александре Саломее см. Wilker 2016, 231–252.

⁵⁴ Об основных принципах принятия греческих имен отдельными представителями населения эллинистической Иудеи и еврейской диаспоры см. Tcherikover 2010, 510–513. Конкретно о греческих именах Хасмонеев см. Ппан 1987, 1–20. Эллинистические имена наряду с еврейскими помещались и на монетах представителей этой династии (см. Ostermann 2005).

⁵⁵ К примеру, в число младших сыновей Птолемея I Сотера входили Леонтиск, Лаг, Маг, Мелеаг, Аргей. У будущего Птолемея Эвергета был брат Лисимах. Сам же Эвергет,

(Арсиноя, Береника, но вскоре их вытесняет имя Клеопатра)⁵⁶. При таком положении дел для «дополнительной идентификации» тех или иных одноименных братьев и сестер, родных или сводных, широко использовались различные тронные эпитеты и неофициальные прозвища. В качестве подобных «определений» порой могли использоваться и личные имена из традиционного царского ономастикона: Птолемей X Александр I и Птолемей XI Александр II, Клеопатра V Трифена⁵⁷ и даже (разумеется, под воздействием извне) Птолемей XV Цезарь (Цезарион).

Однако известны случаи и явной метономасии: Клеопатра Береника III, при рождении получившая имя Береника, стала именоваться Клеопатрой только после вступления на престол⁵⁸. Вторую дочь Птолемея VIII и Клеопатры III, как кажется, первоначально звали Селеной (Cic. *Verr.* II. 4. 61; *Iust.* XXXIX. 3. 2; *App. Syr.* 69. 366; 70.367), притом что у нее была старшая сестра Клеопатра, однако впоследствии (видимо, выйдя замуж за Птолемея IX), она стала именоваться Клеопатрой Селеной⁵⁹. Хорошо известна еще одна Клеопатра Селена — дочь Марка Антония и Клеопатры VII, но здесь, по-видимому, в имянаречение изначально вкладывался особый сакральный смысл: имя Селены должно было показать ее как воплощение лунного божества, а ее брата-близнеца Александра-Гелиоса — как солнечного (*Plut. Ant.* 36.5)⁶⁰.

Сложно сказать, были ли эти имена (Александр, Селена, Цезарь) личными, полученными при рождении, или же мы здесь имеем дело с дополнительным, вторым (тронным?) именем правителя/правительницы. Более вероятной кажется именно последняя версия, так как эти имена часто присутствуют в официальных надписях⁶¹. А поскольку благодаря таким «дополнениям» возникала некая вариативность личных имен правителей, логично предположить, что именно эти имена впоследствии могли даваться царским детям и при рождении. Вступление на престол (по крайней мере, со второй половины II в.) однозначно предполагало принятие царем имени Птолемей, а царицей — Клеопатра (в случае отсутствия таковых изначально), однако и иные варианты личных имен в данном случае продолжали считаться вполне официальными. Теоретически можно допустить, что кто-то из многочисленных Птолемеев изначально звался иначе и воспользовался метономасией при воцарении⁶², однако надежная информация источников об этом отсутствует.

помимо Птолемея IV (будущего Филопатора) и Мага, имел от Береники еще двух сыновей: Александра и, предположительно, Лисимаха. Подробнейшую сводку данных см. на сайте К. Беннетта по птолемеевской генеалогии: <http://www.tyndalehouse.com/Egypt/ptolemies/ptolemies.htm> (дата обращения: 02.09.2017).

⁵⁶ О египетских царицах Клеопатрах см. Whitehorne 2002.

⁵⁷ О Клеопатре V см. Macurdy 1985, 175–180; Bennett 1997; Whitehorne 2002, 174–185; Bartlett 2016.

⁵⁸ Whitehorne 2002, 174. См. также Macurdy 1985, 172–175.

⁵⁹ О Клеопатре Селене см. Macurdy 1985, 170–172; Whitehorne 2002, 164–173; Dumitru 2016.

⁶⁰ Имя Александр у поздних Птолемеев, вероятно, являлось отсылкой к Александру Великому (Mucciolì 2010, 84), у Селевкидов же все было не так очевидно (см. ниже).

⁶¹ Pestman, 1967, 72: «Ранние тексты также называют Клеопатру Беренику III “Клеопатрой, прозванной Береникой”, а после 91/90 г. она именуется просто “царица Клеопатра”».

⁶² В частности, согласно мнению А. Л. Зелинского, выраженному и обоснованному в переписке при обсуждении текста данной статьи, имеются некоторые основания полагать, что настоящее имя Птолемея VIII Фискона было Трифон, а Птолемея X при рождении называли Александром. Этот вопрос заслуживает специального рассмотрения, какое, хочется надеяться, будет осуществлено в ближайшем будущем.

Наиболее же сложная и неоднозначная ситуация наблюдается в царском доме Селевкидов, что в принципе неудивительно: ведь именно в этой державе тесно сплетались и взаимодействовали различные этнополитические традиции: собственно македонская (составившая основу условной «общеэллинистической»), месопотамская, иранская. Насколько нам известно, первые представители династии носили традиционные имена Селевк или Антиох⁶³, которые, по всей видимости, и давались им при рождении. Первый зафиксированный случай метономасии связан с Селевком III⁶⁴, которого, согласно сообщениям Порфирия и Евсевия, изначально звали Александром (Porphyg. *FGrHist* 260 F 32. 8; Euseb. *Chron.* I. 253 Schoene)⁶⁵. Остается загадкой, почему Селевк II предпочел дать своему наследнику имя, которое до этого, насколько известно, никто в его роду не носил. Интерпретация этого факта как стремления показать связь династии с Александром Великим не выглядит убедительной⁶⁶: напротив, имеются все основания полагать, что Селевкиды, демонстрируя политическую самодостаточность, почти не использовали образ Александра для обоснования легитимности своей власти (по крайней мере, начиная с Антиоха I)⁶⁷. Добавим также, что эта версия никак не объясняет того, что имя Александр

⁶³ Strootman 2014, 99–100. Оставим в стороне малодостоверную информацию о побочных представителях династии (Никанор, Никомед, Антипатр и др.).

⁶⁴ По всей видимости, это был действительно первый случай метономасии в династии Селевкидов, так как, насколько позволяют судить данные источников, все предшествующие Селевкиды в бытность принцами носили те же имена, что и после воцарения. Об этом свидетельствуют, например, клинописные тексты из селевкидской Вавилонии: см. *ADRTB* I.–287; –277; –260 (приведено выборочно для иллюстрации сказанного выше). Античная традиция также не дает никаких оснований сомневаться в именах царевичей. Что же касается непосредственно клинописных документов, следует заметить, что в них ни разу не встречаются сведения о других, нетрадиционных именах селевкидских царей и членов правящей династии, за исключением одной не вполне ясной фразы в так называемой «хронике Селевка III» (*ABC13B = MC35 = BCHP* 12, rev. 11'). А. К. Грейсон транслитерирует ее следующим образом: [iti^x ITI] BI UD14.KAM mLu(?)–mu–šú^{lu}ŠEŠ šá mSi-lu–ku šarri TA [...] (*ABC*, 283–284). Ж.-Ж. Глассне читает несколько иначе: [iti. . . ITI].BI U₄ 14.KAM mLAGAB MU–šú^{lu}ŠEŠ šá¹Si-lu–ku LUGAL TA [...] (*MC*, 252–255). Р. ван дер Спек предлагает более смелую интерпретацию этой строки: mLu MU–šú^{lu}ŠEŠ šá mSi-lu–ku LUGAL (http://www.livius.org/cg-cm/chronicles/bchp-seleucus_iii/seleucus_iii_01.html, дата обращения: 08.07.2017; транслитерация, используемая упомянутыми авторами, здесь приведена к единому образцу). Как мы видим, допускается вариант, согласно которому *Lu* – это сокращение от имени брата Селевка III, каковым, видимо, должен считаться Антиох (будущий III): насколько известно, у этих царей не было других братьев. Ван дер Спек в числе возможных предлагает имена Лисий, Лаодик, Лаомедонт или Левкон, хотя они и звучат несколько странно и непривычно для селевкидского ономастикона. Как бы то ни было, этот сюжет требует отдельного анализа, а поэтому мы пока воздержимся от комментариев и не станем рассматривать этот случай как бесспорный пример метономасии.

⁶⁵ Примечательно, что А. Г. Бокшанин, принимая на веру эти свидетельства, прямо называет принца Александром: «Преемником Селевка II Каллиника оказался старший из его сыновей, болезненный и вялый Александр, вступивший на престол под именем Селевка III Сотера» (Bokshchanin 1960, 191). Однако исследователь никак не комментирует этот случай метономасии в династии Селевкидов.

⁶⁶ Muccioli 2010, 84–85.

⁶⁷ Strootman 2014, 99. Ср. с Митридатом VI Понтийским, который, насколько не смущаясь, возводил свой род и к Ахеменидам (по отцовской линии), и к Александру Великому с Селевком Никатором – по материнской (Iust. XXXVIII. 7. 1); об интерпретации этого пассажа см. Ballesteros Pastor 2013b, 272–280.

всплывает почему-то только в пятом поколении Селевкидов, когда на то как будто уже и не было особых причин.

Более логичным представляется вариант, что царевича нарекли в честь брата его матери — Ахеида Александра. Этот Александр принадлежал к весьма влиятельной семье, тесно связанной с царским домом⁶⁸. Генеалогические корни названного рода остаются в точности не известными: высказываются версии о его собственно македонском или анатолийском происхождении; кроме того, существует немало аргументов в пользу возможного происхождения Ахеидов от самого Селевка Никатора⁶⁹. Тем не менее объективности ради следует признать, что и эта гипотеза имеет свои слабые стороны: дело в том, что Александр в «Войне братьев» поддержал не Селевка II, а Антиоха Гиеракса (Porphyr. *FGrHist* 260 F 32. 8; Euseb. *Chron.* I. 253 Schoene)⁷⁰, хотя допустимо предположить, что к моменту рождения принца Александр еще не принял сторону мятежника. Также может показаться сомнительным, что будущий престолонаследник был назван в честь родственника со стороны жены. Однако это, возможно, не следует считать чем-то странным, учитывая влиятельность Александра как царского шурина, наместника земель «по эту сторону Тавра» и, возможно, представителя боковой ветви династии, тем более что прецеденты с матрилинейным происхождением имени в истории эллинистических династий были довольно многочисленными⁷¹.

В порядке гипотезы можно допустить и еще несколько вариантов: у Селевка III могли быть не дожившие до зрелого возраста старшие братья, получившие «традиционные» имена (Антиох/Селевк). Это предположение не выходит за рамки принятой практики, тем более, как показывают другие примеры из эллинистической истории⁷², младшие сыновья могли получать имена, имевшие второстепенное значение для династии. Однако кроме сугубой гипотетичности эта версия имеет еще один недостаток: хронологический. Поскольку Селевку III на момент его смерти в 223 г. было около 20 лет⁷³, а его отец женился ок. 246 г., крайне маловероятно, что у Селевка-Александра могли быть старшие братья или сестры. В конце концов, нельзя исключать и человеческий фактор: личный «каприз» Селевка II, почему-то не желавшего придерживаться традиций имянаречения своего дома. Можно вспомнить, что старшего сына и наследника Филиппа V Македонского звали Персей, а это идет вразрез с традиционными для династии Деметриями, Антигонами и Филиппами⁷⁴.

---

⁶⁸ Его отец, Ахей Старший, был сподвижником Антиоха II, брат Андромах — царским полководцем, а сестры были выданы замуж за Антиоха II и самого Селевка II. Об Александре, сыне Ахея Старшего, см. Grainger 1997, 75; Merkelbach 2000, 126–128; D'Agostini 2013, 87–106.

⁶⁹ Впрочем, далеко не все исследователи поддерживают эту гипотезу. Подробнее см. Beloch 1927, 204–206; Seibert 1967, 54, Anm. 31; Wörrle 1975, 76–77; Billows 1995, 110; Grainger 1997, 5; Ogden 1999, 120; Chrubasik 2016, 70, n. 18.

⁷⁰ Об этом эпизоде см. Coşkun 2016a, 133.

⁷¹ Например, уже упоминавшийся выше Маг, Птолемей — сын Лисимаха, Лисимах — сын Птолемея Филадельфа, сын Антиоха III Митридат (о нем пойдет речь ниже), Антиох I Коммагенский.

⁷² Именно такая ситуация сложилась в семье Антиоха III, где старшие сыновья носили имена Антиох и Селевк, младший же звался Митридатом (об этом см. ниже). Аттал I Пергамский старшим детям дал более значимые в династическом контексте имена Эвмен, Аттал и Филетер, младшему же — не столь актуальное, Афиней (генеалогию Атталидов см. Allen 1983, 181–194; Klimov 2010, 361).

⁷³ Grainger 1997, 63.

⁷⁴ Примечательно, что Деметрием Филипп V назвал младшего сына.

Весьма любопытно, что впоследствии, уже с середины II в., у Селевкидов имя Александр становится вполне «царским», но носят его узурпаторы: Александр I Балас (который, возможно, «украл» это имя у настоящего принца Александра, младшего сына Антиоха IV⁷⁵) и Александр II Забина. Примечательно, что они предпочитали считать тронным именно это имя и не меняли его на традиционные Антиох или Селевк. Правда, было исключение: Аппиан утверждает, что сына Баласа также звали Александром (*Syr.* 68.357), в то время как по монетам он нам известен как Антиох VI (SC1996–2028). Очевидно, вступив на престол, мальчик принял более традиционное для династии имя, дабы в глазах подданных прибавить себе легитимности. К тому времени фортуна уже отвернулась от окончательно дискредитировавшего себя Александра, его отца, и маленькому царю (а точнее, возведшему его на престол вельможе Диодоту) логичнее было сделать акцент на правах на престол по материнской линии, ведь его матерью была птолемеевская царица Клеопатра Тея, правнучка Антиоха III Великого.

Следует добавить, что и сам Диодот, через несколько лет принявший царский титул, также предпочел выступить под новым именем Трифон (Τρύφων ἄφ' ἑαυτοῦ μετονομασθεὶς – *App. Syr.* 68.358), т.е. «роскошный, изнеженный»⁷⁶. Однако в отличие от своих предшественников Диодот стремился не подчеркнуть свою (безусловно, фиктивную) преемственность с правящей династией, а, напротив, акцентировать обособленность от нее: так, он даже попытался отказаться от селевкидской царской эры, введя взамен новое летоисчисление, точкой отсчета которого должно было стать его воцарение⁷⁷. Видимо, из этих же соображений он предпочел взять столь вычурное тронное имя, хотя вопрос о том, насколько имена сохраняли свое прямое этимологическое значение и можно ли было их в каждом случае «переводить» буквально, не имеет однозначного ответа.

Здесь будет уместно провести аналогию (на первый взгляд, достаточно отдаленную) со Вторым Сицилийским восстанием (104–99 гг., т.е. спустя почти 35 лет после гибели Диодота), один из руководителей которого, раб Сальвий, по какой-то причине принял имя Трифон. И если цель метономасии сирийца Евна-Антиоха, лидера Первого Сицилийского восстания (135–132 гг.), выглядит вполне логичной⁷⁸, то причины, повлиявшие на выбор такого имени италиком Сальвием, не столь очевидны. Может быть, самозванный «царь» просто

---

⁷⁵ Полагаем, его можно отождествить с царевичем, которого Дж. Грейнджер в своей «Просопографии» обозначил как “[ANON] (4)” (Grainger 1997, 71).

⁷⁶ Правда, есть основания полагать, что Трифоном Диодот мог именоваться еще в бытность приближенным Антиоха VI – на эту мысль наводит маркировка ΤΡΥ на некоторых монетах этого царя (Chrubasik 2016, 139, n. 61). Как бы то ни было, для нас важно, что именно это имя узурпатор выбрал как официальное.

⁷⁷ Ehling 2008, 180; Chrubasik 2016, 139 (с литературой).

⁷⁸ Подробно о восстании в целом см. Dumont 1987, 197–271; о его сирийской религиозно-идеологической составляющей: Maróti 1967, 319–326. Этот инцидент, возможно, служит свидетельством того, что имя Антиох к середине II в. могло восприниматься фактически как нарицательное (по крайней мере, в Сирии и Киликии – регионах, откуда, как известно, были родом многие из участников в Первом Сицилийском восстании) применительно к человеку, обладавшему царским статусом. И это вполне объяснимо, если учесть, что данное имя в династии было заметно популярнее имени Селевк: 14 царей носили имя Антиох (включая Антиоха Гиеракса) и только 7 – Селевк. Имя Антиох становится династическим и в эллинистической Коммагене, хотя в этом случае, вероятно, сыграло свою роль то, что матерью Антиоха I Коммагенского была дочь селевкидского царя Антиоха VIII Лаодика. См. также Engels 2011, 233–251.

вкладывал в него обычный смысл, связанный с роскошью и пышностью. Возможно, нам следует обратить внимание также и на другое обстоятельство. Хотя Аппиан называет Диодота «царским рабом» (δοῦλος τῶν βασιλέων Διόδωτος — *Syr.* 68.357; ср. 69.362), кажется крайне сомнительным, будто Диодот и в самом деле некогда был рабом в прямом смысле этого слова. Скорее всего, Аппиан выразился так, желая подчеркнуть низкий статус⁷⁹ и непричастность к селевкидской династии этого узурпатора, который, в отличие от обоих Александров⁸⁰, даже не пытался казаться легитимным потомком Селевка Никатора, а также его подчиненное по отношению к настоящим царям положение. Современникам наверняка была известна достаточно головокружительная карьера Диодота-Трифона, из «раба» вдруг превратившегося в царя, а поэтому и Сальвий, возможно, стал именоваться Трифоном в ознаменование произошедших в его жизни метаморфоз, наподобие того, как это произошло и с его сирийским тезкой. Таким образом, можно допустить, что и тронное имя Диодота помимо своего прямого значения могло нести также дополнительный смысл: как ознаменование радикальных и неожиданных позитивных перемен в жизни (в стиле «из грязи в князи»⁸¹).

Наряду с македонскими и греческими именами в селевкидском ономастиконе мы находим также и иранские⁸². Так, третий сын Антиоха III носил имя Митридат⁸³, очевидно, в честь деда по материнской линии (царица Лаодика III

---

⁷⁹ Ср., например, с подразумеваемым уподоблением рабам рода Атталидов в эпиграмме грамматика Дафита (*Strab.* XIV. 1. 39).

⁸⁰ Оба Александра претендовали на свою связь с династией (см. выше о возможном сыне Антиоха IV Александре).

⁸¹ Такие перипетии судеб, безусловно, занимали греческих писателей; см., например, *Ael. Var. hist.* XII. 43 (перечисление подобных исторических примеров), что может являться отражением достаточно широкого общественного интереса к ним.

⁸² Строго говоря, в селевкидском ономастиконе нам известны три иранских имени: Апама, Ниса и Митридат. Апама — имя собственно «селевкидское», так звали первую жену Селевка I и мать его наследника Антиоха I, этническую иранку (см. о ней специально три статьи в новейшей коллективной монографии: *Harders 2016; Engels, Erickson 2016; Ramsey 2016*). Это имя было популярным для дочерей первых Селевкидов. Постепенно, примерно с середины III в., его вытесняют из династического ономастикона Антиохиды и Лаодики. Примечательно, что хронологически это коррелирует с потерей Селевкидами контроля над Бактрией, Согдианой и Ираном, и едва ли такое совпадение можно считать случайностью. Иранско-каппадокийское имя Ниса носила супруга Фарнака I Понтийского, которую считают дочерью Антиоха III, его старшего сына царевича Антиоха, либо Антиоха IV (в зависимости от того, как датировать делосскую надпись *OGIS771*); об этой проблеме см. *Ghiça 2011* (впрочем, итоговый вывод статьи в пользу последнего предположения мы не разделяем). Видимо, это имя было принято Селевкидами как результат брачно-династических отношений с Митридатидами. Позднее оно появляется в понтийской, каппадокийской, вифинской династиях и в государствах Закавказья, см. *Justi 1895, 17, s. v. Αποδ.*

⁸³ Имя Митридат, разумеется, также следует расценивать как дань традициям имянаречения в понтийском царском доме, с которым Антиох III был связан через брак с Лаодикой, дочерью Митридата II (последний, в свою очередь, был женат на одноименной селевкидской принцессе). Однако это имя так и не прижилось на селевкидской «почве», а во II и I вв. популярными становятся династические имена Аргеадов и Антигонидов: Деметрий (I Сотер, II Никатор и III Эвкер; о возможных причинах появления этого имени в сирийском царском доме см. *Helliesen 1981*), Александр (I Балас и II Забина), Антигон (сын Деметрия I), Филипп (I Филадельф и II Барип). Таким образом, несмотря на потерю малоазийских владений после Апамейского мирного договора, а скорее даже вопреки

была дочерью понтийского царя Митридата II)⁸⁴; вместе со старшими братьями Антиохом и Селевком (IV) он упоминается в письме Антиоха III гражданам Гераклеи-на-Латме (*SEG 37, 859*)⁸⁵. Это коррелирует и с сообщением Ливия о том, что сын Антиоха III Митридат был одним из командующих царской армией в Малой Азии⁸⁶. В настоящее время идентичность этого Митридата будущему царю Антиоху IV Эпифану практически не вызывает сомнений⁸⁷.

В качестве еще одного аргумента в пользу этого отождествления можно добавить, что среди других детей Антиоха III (в том числе и дочерей) мы не находим ни одного повторяющегося имени. Примечательно, однако, что для своих современников будущий Эпифан запомнился именно как Антиох⁸⁸: под этим именем он фигурирует в описании битвы при Панионе в 200 г. (*Polyb. XVI. 18. 6*), хотя тогда он все еще именовался Митридатом, о чем свидетельствует упомянутое выше письмо Антиоха III гераклеотам (*SEG 37, 859*). Антиохом он зовется и в событиях, предшествующих его восшествию на престол (хотя тут нужно учитывать возможность «ретроспективного» именованья известного исторического персонажа в более поздних источниках его «основным» именем). Исходя из этого надо полагать, что данное имя он принял до того, как был отправлен в качестве заложника в Рим (*App. Syr. 39.200*). По всей видимости, эта метономасия была связана с преждевременной смертью Антиоха, старшего сына Антиоха III, ок. 193 г.⁸⁹; возможно, именно тогда царь принял решение изменить имя младшего сына. Правда, неясно, следует ли объяснять это некими политическими планами и предпочтениями Селевкида, давшего имя умершего наследника именно Митридату, или же царь таким образом желал как бы «воскресить» старшего (судя по всему, любимого) сына в лице младшего. Для нас же важно отметить, что метономасия в эллинистических династиях не всегда была связана только со вступлением на престол:

ей и связанными с ней изоляцией от Европы и физическому отрыву от «македонских корней», в ономастической политике Селевкидов можно проследить определенную тенденцию «возвращения к истокам».

⁸⁴ О селевкидско-понтийских связях в целом см. Saprykin 2012.

⁸⁵ См. комментарий к этому тексту Дж. Ма (Ma 2000, 340–345). Надпись датируется между 196 и 193 г.

⁸⁶ Liv. XXXIII. 19. 9: *Principio veris [Antiochus III] praemissis terra cum exercitu filiis duobus, Ardye ac Mithridate, iussisque Sardibus se opperiri*. Речь идет о событиях 197 г.; комментарии к этому крайне запутанному пассажу: Holleaux 1912, 481–491; Schmitt 1964, 14; Briscoe 1973, 285. В новейшей статье, посвященной данному сюжету (Coşkun 2016b), предлагается чрезмерно сложная, на наш взгляд, реконструкция родственных связей Антиоха III, но для нашей темы это, строго говоря, неважно: переименование Митридата в Антиоха (IV) автор также принимает.

⁸⁷ Митридата-Антиоха IV не следует путать с другим Митридатом, которого упоминает Полибий (VIII. 25. 3) в контексте армянской кампании Антиоха III (212 г.). Этот Митридат назван племянником царя – сыном его сестры (вероятно, Антиохиды, поскольку о существовании других его сестер нам ничего не известно). Тот факт, что приближенные Антиоха III советовали царю посадить на трон Малой Армении племянника, не позволяет отождествить этого Митридата с Антиохом IV, ведь последнему тогда едва ли минуло три года (он родился ок. 215 г.). К тому же кажется странным, что Антиох, имея двух старших сыновей, Антиоха и Селевка, стал бы сажать на армянский престол самого младшего. См. также Coşkun 2016b.

⁸⁸ Видимо, за исключением упомянутой выше фразы Ливия.

⁸⁹ О нем см. Bezson 2015.

ведь Антиох-Митридат, будучи, по-видимому, самым младшим сыном царя, не стал наследником престола — таковым считался его брат Селевк (IV)⁹⁰.

Таким образом, мы имеем все возможности еще раз убедиться в том, что ономастикон эллинистических царских домов представлял собой крайне сложное, синкретическое, меняющееся со временем явление. Одним из средств, с помощью которых происходили его изменения (намеренные или нет, в данном случае не столь важно), и являлась метономасия. В ее применении могут быть прослежены некие закономерности, однако их ни в коей мере не следует абсолютизировать: многое зависело от конкретных обстоятельств и личностей, специфики политической практики той или иной династии с ее традициями, других факторов. В частности, далеко не всегда и не везде смена имени осуществлялась в связи с воцарением определенного исторического лица, как это было в прецеденте с провозглашением царем Арридея — Филиппа III: действительность, как это всегда бывает, оказывалась богаче схем, и можно констатировать, что, например, в «ономастической политике» Селевкидов тактика порой превалировала над стратегией. Вместе с тем, достаточно строгое следование данному принципу со стороны представителей понтийского и в особенности каппадокийского царских домов следует расценивать, видимо, как результат стремления представителей данных династий воспроизводить государственную практику Ахеменидов, на исторический опыт которых представители этих иранских домов пытались ориентироваться⁹¹.

Литература / References

- Allen, R.E.: *The Attalid Kingdom. A Constitutional History*. Oxford.
- Badian, E. 2000: Darius III. *Harvard Studies in Classical Philology* 100, 241–267.
- Balakhvantsev, A.S. 2011: [“New” Rescript of Ziaelas of Bithynia]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 74–92.
- Балахванцев, А.С. «Новый» рескрипт Зиела Вифинского. *ВДИ* 1, 74–92.
- Ballesteros Pastor, L. 1996: *Mitridates Eupátor, rey del Ponto*. Granada.
- Ballesteros Pastor, L. 2001–2002: Pharnaces I of Pontus and the Kingdom of Pergamum. *Talanta* 22/23, 61–66.
- Ballesteros Pastor, L. 2005: El reino del Ponto. In: V.A. Troncoso (ed.). *ΔΙΑΔΟΧΟΣ ΤΗΣ ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ. La figura del sucesor en la realeza helenística*. (Gerión Anejos. Serie de Monografías. Anejo IX). Madrid, 127–138.
- Ballesteros Pastor, L. 2013a: Eupator’s unmarried sisters: an approach to the dynastic struggle in Pontus after the death of Mithridates V Euergetes. *Anabasis* 4, 61–72.
- Ballesteros Pastor, L. 2013b: *Pompeyo Trogo, Justino y Mitridates*. *Commentario al Epítome de las Historias Filípicas* (37, 1, 6–38, 8, 1). Hildesheim–Zürich–New York.
- Ballesteros Pastor, L. 2015: Los príncipes del Ponto. La política onomástica de Mitridates Eupátor como factor de propaganda dinástica. *Revue des études anciennes* 117, 2, 425–445.
- Bartlett, B. 2016: The fate of Kleopatra Tryphaina, or: Poetic justice in Justin. In: A. Coşkun, A. McAuley (eds.), *Seleukid Royal Women. Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire*. Stuttgart, 135–142.
- Beloch, K.J. 1927: *Griechische Geschichte*. Bd IV. 2. Berlin–Leipzig.
- Bennett, C. 1997: Cleopatra V Tryphaina and the genealogy of the later Ptolemies. *Ancient Society* 28, 39–66.

---

⁹⁰ В 189 г. Селевк (IV) стал соправителем Антиоха III и пребывал в этом статусе вплоть до смерти отца и своего единоличного воцарения в 187 г. (*ADRTB* –188; –187).

⁹¹ См., например, Panitschek 1987–1988. Одним из авторов данной статьи уже отмечалось, что Ариаратиды, похоже, стремились превзойти Митридатидов в последовательности воспроизведения ахеменидских государственно-правовых норм (Gabelko 2009b, 117–118).

- Berzon, E.M. 2015: [Antiochus, the heir and co-ruler of King Antiochus the Great]. *Problemy istorii, filologii, kultura* [Questions of History, Philology, Culture] 2, 52–64.
- Берзон, Е.М. Антиох – наследник и соправитель великого царя Антиоха. *ПИФК* 2, 52–64.
- Billows, R. 1995: *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden–New York–Köln.
- Bokshchanin, A.G.: 1960 *Parfiya i Rim. Vozniknovenie sistemy politicheskogo dualizma na Perednem Vostoke* [Parthia and Rome. The Emergence of a System of Political Dualism in the Middle East]. Part. I. Moscow.
- Бокшанин, А.Г. *Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма на Переднем Востоке*. Ч. I. М.
- Braund, D.C. 1984: *Rome and the Friendly King: the Character of Client Kingship*. London–Canberra–New York.
- Breglia Pulci Doria, L. 1978: Diodoro e Ariarate V. Conflitti dinastici, tradizione e propaganda politica nella Cappadocia del II secolo A. C. *La parola del passato* 33, 104–129.
- Briscoe, J. 1973: *A Commentary on Livy, Books XXXI–XXXIII*. Oxford.
- Callataÿ, F., de 1997: *L'Histoire des guerres Mithridatiques vue par les monnaies*. Louvain-la-Neuve.
- Carbone, F.L. 2016: 'Romanizing' Asia: the Impact of Roman imperium on the Administrative and Monetary Systems of the Provincia Asia (133 BC – 96 AD). Ph. D. Diss. Univ. of Columbia. URL: <https://doi.org/10.7916/D8222TP0>
- Carney, E. 2001: The trouble with Philip Arrhidaeus. *Ancient History Bulletin* 15, 1–2, 63–89.
- Carney, E. 2006: *Olympias. Mother of Alexander the Great*. New York.
- Chaniotis, A. 2005: [Theatricality beyond the theatre. Staging public life in the Hellenistic world] *Antiquitas aeterna*, 1, 155–190.
- Ханиотис, А. Театральность вне театра. «Постановка» общественной жизни в эллинистическом мире. *Antiquitas Aeterna*, 1, 155–190.
- Chrubasik, B. 2016: *Kings and Usurpers in the Seleukid Empire: The Men who would be King*. Oxford.
- Coşkun, A. 2016a: Laodike I, Berenike Phernophoros, dynastic murder, and the outbreak of the Third Syrian War (253–246 BC). In: A. Coşkun, A. McAuley (eds.), *Seleukid Royal Women. Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire*. Stuttgart, 107–134.
- Coşkun, 2016b: Philologische, genealogische und politische Überlegungen zu Ardys und Mithradates, zwei Söhnen des Antiochos Megas (Liv. 33.19.9). *Latomus* 75, 4, 850–861.
- D'Agostini, M. 2013: La strutturazione del potere seleucidico in Anatolia: il caso di Acheo il Vecchio e Alessandro di Sardi. *Erga-Logoi* 1, 87–106.
- Daubner, F. 2006: *Bellum Asiaticum. Der Krieg der Römer gegen Aristonikos von Pergamon und die Einrichtung der Provinz Asia*. München.
- Dumitru, A.G. 2016: Kleopatra Selene – a look at the Moon and her bright side. In: A. Coşkun, A. McAuley (eds.), *Seleukid Royal Women. Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire*. Stuttgart, 253–272.
- Dumont, J.C. 1987: *Servus. Rome et l'esclavage sous la République*. Roma.
- Ehling, K. 2008: *Untersuchungen zur Geschichte der späten Seleukiden (163–63 v. Chr.)*. Stuttgart.
- Ellis, J.R. 1973: The step-brothers of Philip II. *Historia* 22, 350–354.
- Engels, D. 2011: Ein syrisches Sizilien? Seleukidische Aspekte des ersten sizilischen Sklavenkriegs und der Herrschaft des Eunus-Antiochos. *Polifemo* 11, 233–251.
- Engels, D., Erickson, K. 2016: Apama and Stratonike – marriage and legitimacy. In: A. Coşkun, A. McAuley (eds.), *Seleukid Royal Women. Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire*. Stuttgart, 39–66.
- Fraser, P.M. 2009a: Hellenistic Eponymous Cities and Ethnic. In: P. M. Fraser, *Greek Ethnic Terminology. A Lexicon of Greek Personal Names. Supplementary Volume*. Oxford, 167–178.
- Fraser, P.M. 2009b Name-Changes and 'Posthumous' Ethnic. In: P. M. Fraser, *Greek Ethnic Terminology. A Lexicon of Greek Personal Name. Supplementary volume*. Oxford, 148–165.
- Gabelko, O.L. 2005a: [The dynastic history of Hellenistic monarchies of Asia Minor according to the "Chronography" by George Synkellos], *Antiquitas aeterna* 1, 86–106.
- Габелко, О. Л. Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Синкелла, *Antiquitas aeterna* 1, 86–106.
- Gabelko, O.L. 2005b: *Istoriya Vifinskogo tsarstva* [The History of the Bithynian Kingdom]. Saint Petersburg.
- Габелко, О. Л. *История Вифинского царства*. СПб.
- Gabelko, O.L. 2009a: The dynastic history of Hellenistic monarchies of Asia Minor according to the "Chronography" by George Synkellos. In: J.-M. Højte (ed.), *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*. Aarhus, 47–61.

- Gabelko, O.L. 2009b: [On the dynastic history of Hellenistic Cappadocia: the Ariarathid royal house]. *Antichnyy mir i atkheologiya [Classical World and Archaeology]* 13, 92–119.
- Габелко, О.Л. К династической истории эллинистической Каппадокии: царский дом Ариаратидов. *АМА* 13, 92–119.
- Gabelko, O.L. 2013: A historical and epigraphic commentary on Hupsicrateia's epitaph. In: A. Mehl, A. Makhlayuk, O. Gabelko (eds.), *Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History*. Stuttgart, 173–184.
- Gabelko, O.L. 2014: [Some questions of the coinage of the Pontic kings in the 2nd cent. BC]. In: A.V. Akopyan, T.N. Jakson (eds.), *ПОЛУТРОПОС. Sbornik nauchnyh statey pamyati Arkadiya Anatol'evicha Molchanova [ПОЛУТРОПОС. Collection of articles in memoriam Arkady Anatol'evich Molchanov]*. Moscow, 285–296.
- Габелко, О.Л. Некоторые проблемы монетного чекана понтийских царей во II в. до н.э. В сб.: А.В. Акопян, Т.Н. Джаксон (ред.), *ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти Аркадия Анатольевича Молчанова*. М., 285–296.
- Gabelko, O.L. 2018 (forthcoming): On the “language of power” in Hellenistic monarchy. In: O. Gabelko, V. Goušchin, P. Rhodes (eds.), *One Man Rule in the Ancient World*.
- Gabelko, O.L., Kuzmin, Yu.N. 2008: [The matrimonial politics of Demetrius II of Macedon: new solutions of old problems] *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 141–164.
- Габелко, О.Л., Кузьмин, Ю.Н. Матримониальная политика Деметрия II Македонского: новые решения старых проблем. *ВДИ* 1, 141–164.
- Gabelko, O.L., Zavoikin, A.A. 2004: [Once more on the Bithynian-Pontic-Bosporan Era]. In: V.Yu. Zuev et al. (eds.), *Bosporskiy fenomen. Problemy datirovki i khronologii pamyatnikov [The Questions of Dating and Chronology of the Monuments]*. I. Saint Petersburg, 74–81.
- Габелко, О.Л., Завойкин, А.А. Еще раз о вифинско-понтийско-боспорской эре. В сб.: В.Ю. Зуев и др. (ред.), *Боспорский феномен: Проблемы датировки и хронологии памятников*. I. СПб., 74–81.
- Ghița, C.E. 2011: Nysa – a Seleucid princess in Anatolian context. In: K. Erickson, G. Ramsey (eds.), *Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor*, 107–116.
- Glew, D. 2005: Nicomedes' name. *Epigraphica Anatolica* 38, 131–137.
- Grainger, J.D. 1997: *A Seleucid Prosopography and Gazetteer*. Leiden–New York–Köln.
- Günther, L.-M. 1995: Kappadokien, die seleukidische Heiratspolitik und die Rolle der Antiochis, Tochter Antiochos' I. In: *Studien zum antiken Kleinasien III*. (Asia Minor Studien, 16). Bonn, 47–61.
- Gulencov, K.L. 2001: [Orientalistic and Hellenistic in the family of Mithridates Eupator]. In: O.L. Gabelko, V.D. Zhigunin, Ye.A. Chigliintsev (eds.), *Antichnost': Obshchestvo i idei [Antiquity: Society and Ideas]*. Kazan, 71–83.
- Гуленков, К.Л. Ориенталистическое и эллинистическое в семье Митридата Евпатора. В кн.: О.Л. Габелко, В.Д. Жигунин, Е.А. Чиглинцев (ред.), *Античность: общество и идеи*. Казань, 71–83.
- Hannestad, L. 1996: “This contributes in no small way to one's reputation”: the Bithynian kings and Greek culture. In: P. Bilde et al. (eds.), *Aspects of Hellenistic Kingship. Studies in Hellenistic Civilization*. 5, Aarhus, 67–98.
- Harders, A.-C. 2016: The making of a queen – Seleukos Nikator and his wives. In: A. Coşkun, A. McAuley (eds.), *Seleucid Royal Women. Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleucid Empire*. Stuttgart, 25–38.
- Heckel, W. 1978: Kleopatra or Eurydike? *Phoenix* 32, 155–158.
- Heckel, W. 1981: Polyxena, the mother of Alexander the Great. *Chiron* 11, 79–86.
- Helliesen, J.M. 1981: Demetrius I Soter: a Seleucid king with an Antigonid name. In: H. J. Dell (ed.), *Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson*. Thessaloniki, 219–228.
- Holleaux, M. 1912: Ardys et Mithridates. *Hermes* 47, 4, 481–491.
- Hopp, J. 1977: *Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden*. München.
- Ilan, T. 1987: The Greek names of the Hasmoneans. *The Jewish Quarterly Review*, New Series 78, 1/2, 1–20.
- Justi, F. 1895: *Iranisches Namenbuch*. Marburg.
- Klimov, O. Yu. 2010: *Pergamskoe tsarstvo. Problemy politicheskoy istorii i gosudarstvennogo usroystva [The Kingdom of Pergamon. Political Institutions and History]*. Saint Petersburg.
- Климов, О. Ю. *Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства*. СПб.
- Kuzmin, Yu. N. 2009: [F. W. Walbank and the questions of Macedonian state-system in the Hellenistic epoch]. In: O.L. Gabelko (ed.), *Politika, ideologiya, istoriografiya v rimsko-ellinisticheskom mire [Politics, Ideology, Historiography in the Roman-Hellenistic World]*. Kazan, 22–30.

- Кузьмин, Ю.Н. Ф.У. Уолбанк и проблемы государственности Македонии в эпоху эллинизма. В кн.: Габелко О.Л. (ред.), *Политика, идеология, историография в римско-эллинистическом мире*. Казань, 22–30.
- Kuzmin, Yu.N., Gabelko, O.L. 2012: [Some notes on the Antigonid matrimonial politics in the 50s-20s of the 3rd cent. BC]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [The Questions of History, Philology, Culture] 1, 27–46.
- Кузьмин, Ю.Н., Габелко, О.Л. Заметки о матримониальной политике Антигонидов в 50-е-20-е гг. III в. до н.э. *ПИФК* 1, 27–46.
- Kuznetsov, V.D. 2007: [New inscriptions from Phanagoria]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 227–243.
- Кузнецов, В.Д. Новые надписи из Фанагории. *ВДИ* 1, 227–243.
- Ma, J. 2000: *Antiochus III and the Cities of Western Asia Minor*. Oxford.
- Macurdy, G.H. 1985: *Hellenistic Queens: A Study of Women-Power in Macedonia, Seleucid Syria, and Ptolemaic Egypt*. Chicago.
- Maróti, E. 1967: Bewusstheit und ideologische Faktoren in den Sklavenbewegungen (Eunus und Atargatis). *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae* 15, 319–326.
- Merkelbach, R. 2000: Wer war Alexandros, zu dem Asoka eine Gesandtschaft geschickt hat? *Epigraphica Anatolica* 32, 126–128.
- Mørholm, O. 1978: The coinages of Ariarathes VI and Ariarathes VII of Cappadocia. *Schweizerische numismatische Rundschau* 57, 144–163.
- Muccioli, F. 2010: Antioco III e la politica onomastica dei Seleucidi. *Electrum* 18, 81–96.
- Ogden, D. 1999: *Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties*. London–Swansea.
- Ostermann, S. 2005: *Die Münzen der Hasmonäer. Eine kritische Bericht zur Systematik und Chronologie*. Göttingen.
- Panitschek, P. 1987–1988: Zu den genealogischen Konstruktionen der Dynastien von Pontos und Kappadokien. *Rivista di storia antica* 17–18, 73–95.
- Pestman, P.W. 1967: *Chronologie égyptienne d'après les textes démotiques (332 avant J.-C. – 453 après J.-C.)*. Leiden.
- Portanova, J.J. 1988: *The Associates of Mithridates Eupator*. Ph.D. Diss. Univ. of Columbia. Ann Arbor.
- Ramsey, G. 2016: The diplomacy of Seleukid women. In: A. Coşkun, A. McAuley (eds.). *Seleukid Royal Women. Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire*. Stuttgart, 87–104.
- Reinach, Th. 1895: *Mithridates Eupator, König von Pontos*. Leipzig.
- Robert, L. 1963: *Noms indigènes dans l'Asie-Mineure gréco-romaine*. Paris.
- Robinson, E.S. 1954: Cistophori in the name of King Eumenes. *Numismatic Chronicle* 14, 1–8.
- Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyksoje tsarstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [The Pontic Kingdom. The State of Greeks and Barbarians in the Black Sea Region]. Moscow.
- Сапрыкин, С.Ю. *Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье*. М.
- Saprykin, S.Yu. 2012: [The Pontic Kingdom and the Sekeukids]. In: S.Yu. Saprykin et al. (eds.), *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti. Вып. 2. Sbornik nauchnykh trudov XVII Sergeevskikh chteniy* [East, Europe, America in Antiquity. Issue 2. Collection of Papers of XVII Sergeev's Readings]. Moscow, 124–135.
- Сапрыкин, С.Ю. Понтийское царство и Селевкиды. В сб.: Сапрыкин С.Ю. и др. (ред.), *Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 2. Сборник научных трудов XVII Сергеевских чтений*. М., 124–135.
- Schmitt, H. 1964: *Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit*. Wiesbaden.
- Schmitt, R. 1977: Thronnamen bei den Achaimeniden. *Beiträge zur Namenforschung* 12, 422–425.
- Schmitt, R. 1982: Achaemenid Throne-Names. *AION* 42, 1, 83–95.
- Seibert, J. *Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit*. Wiesbaden, 1967.
- Simonetta, A.M. 2009: Revision and catalogue of the Cappadocian kings coinage in the Simonetta collection. *Parthica*, 9, 11–152.
- Simonetta, B. 1977: *The Coins of the Cappadocian Kings*. Fribourg.
- Sprawski, S. 2008: Writing local history: Archemachus and his *Euboika*. In: J. Pigoń (ed.), *The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres*. Cambridge, 102–118.
- Strootman, R. 2014: *Courts and Elites in the Hellenistic Empires: The Near East after the Achaemenids, c. 330 to 30 BCE*. Edinburgh.
- Sullivan, R.D. 1980: The dynasty of Cappadocia. In: *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. II. Bd 7. 2. Berlin–New York, 1125–1168.
- Surikov, I.E. 2007: [Ruler's names in the Spartokid state (on some problems of Greek political onomastics)]. *Drevnosti Bospora* [The Bosporan Antiquities] 11, 379–393.

- Суриков, И.Е. Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики). *Древности Боспора* 11, 380–393.
- Tarn, W.W. 1940: Phthia-Chryseis. In: *Athenian Studies Presented to W.S. Ferguson*. (Harvard Studies in Classical Philology. Supplementary Volume 1). Cambridge (Mass.), 483–501.
- Tcherikover, V. 2010: *Ellinisticheskaya tsivilizatsiya i evrei* [*Hellenistic Civilization and the Jews*]. Russian transl. Saint Petersburg.
- Чериковер, В. *Эллинистическая цивилизация и евреи*. СПб.
- Whitehorne, J. 2002: *Cleopatras*. New York.
- Wilker, J. 2016: A Dynasty without women? The Hasmonians between Jewish tradition and Hellenistic influence. In: A. Coşkun, A. McAuley (eds.), *Seleukid Royal Women. Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire*. Stuttgart, 231–252.
- Wörle, M. 1975: Antiochos I., Achaïos der Ältere und die Galater. Eine neue Inschrift in Denizli. *Chiron* 1975, 59–87.
- Zavoikin, A.A. 2006: [On the institute of the Spartokid dynastic names]. *Drevnosti Bospora* [*The Bosporan Antiquities*] 10, 214–262.
- Завойкин, А.А. Об институте династических имен Спартокидов. *Древности Боспора* 10, 214–262.